

Андрей Дашков Оазис «Джудекка»

ПРОЛОГ РАЗГОВОР «НА НЕБЕСАХ»

В кабинете двое мужчин — пожилой и молодой. Молодой стоит возле окна, глядя сквозь щели жалюзи и бронестекло на что-то громадное и темное, почти неразличимое на фоне звездного неба. Пожилой внешне спокоен и сидит в кресле за столом. Он — хозяин кабинета.

Интерьер является образцом аскетического стиля. Нигде нет ни одной фотографии или хотя бы нестандартной вещи — только строгая деловая мебель, серые панели и унылые фетиши бюрократического культа. Возможно, это говорит о пренебрежении прошлым или о тщательно скрываемой ностальгии.

У молодого жестокий красивый рот. Он цинично улыбается, чувствуя свое физическое превосходство. Он понимает, что имеет право задавать скользкие вопросы, и пользуется им. Потом этого права у него уже не будет.

— Итак, вы потеряли нашего лучшего

подопытного кролика?

Пожилой когда-то тоже был самоуверен и обладал железной хваткой, но сейчас он всего лишь свидетель тотального вырождения. Он готов поиграть в вопросы и ответы с тем, кого считал приговоренным.

— Потеряли, но не физически.

— Что это значит?

— Это значит, что индикатор жизни до сих пор подает сигналы.

— То есть найти его труда не составит?

— Найти можно, если постараться, однако возникает главный вопрос: что делать потом? Ответ мне ясен. Объект подвергся полному изменению личности и не выходит на связь. Я думаю, контакт неосуществим.

Молодой резко повернулся и достал сигарету — одну из тех, которые теперь называют ритуальными: вместо никотина — стимулятор DJW. Ему стало не по себе от того, что он увидел вдали. А каково же там, внутри? Или так действуют слова старого (волка?) шакала?.. Похоже, психопрограммисты до сих пор не пришли к единому мнению относительно предпочтительных свойств ликвидатора и не решили, что лучше: абсолютная устойчивость к фактору неизвестности или минимум воображения...

— Изменение личности? — переспросил он, глубоко затянувшись. — Насколько далеко это зашло?

— Ну, он вряд ли подозревает о нашем существовании. Один яйцеголовый из отдела бихевиористики заявил мне, что наш парень «сменил цивилизацию». Для него наступила...

Пожилой осекся. Молодой беззвучно смеялся. Потом он навис над столом и выпустил изо рта длинную струю дыма, окутавшего лампу.

— Короче говоря, вы облажались, и проект «Замок» под угрозой. Не так ли? Полковник, это ведь, кажется, ваше детище?

На лице пожилого не дрогнул ни один мускул. В его застывшем облике появилось что-то от прежнего полковника, внушавшего подчиненным необъяснимый страх.

Он сказал очень тихо:

— Не паясничай, сынок.

Побледнев, молодой отодвинулся.

— Ну хорошо, насколько я понимаю, вернуть его невозможно.

— Скорее всего невозможно, да и незачем. Он не подпускает к себе никого. Мы уже потеряли четверых.

— Самоликвидатор?

— Блокирован эго-тенью.

— Значит, шизофрения?

— Думаю, кое-что похуже — во всяком случае, для нас. Предупреждаю: недооценивать его смертельно опасно. К тому же неизвестно, кто из нас болен...

— Ого!.. Мое задание?

— Я хочу, чтобы вы нашли его и уничтожили, не пытаясь вступить в контакт.

— Как скоро?

— Чем скорее, тем лучше. Пока он не нашел выхода...

1

Я долго не мог забыться после тяжелого дня. Безрезультатная охота. Тщетные поиски. Назойливое чувство голода. Зияющая пасть пустоты. За каждым вздохом — змеиная яма; за каждым мгновением — омут с чудовищами; за каждым шагом — безразличная смерть; непонятное существование. Не та эпоха, не те попутчики, явно не та дорога — но не свернешь, и надо жить, хотя каждая секунда отдаляет от того места, куда хотел бы попасть...

Сирена тихонько напевала над самым ухом этот чертов рок-н-ролл. Слова песенки были незамысловатые, но издевательские, с рефреном:

«Мне не дают уснуть твои черные глаза и белая грудь». Я злобно скрипел зубами, пытался отворачиваться, прижимался одним ухом к железной стене замка, а второе затыкал пальцем. Бесполезно. Голос Сирены, казалось, просачивался сквозь кожу, проникал в самый мозг, вползал в любую тончайшую щель, как струйка ядовитого дыма. Рано или поздно он поселился бы внутри — ужасное, несмолкающее, «чужое» эхо, ее неотразимое тайное оружие, — и тогда прощай, покой! Прощай навеки... Лучше не сопротивляться.

Однако она знала, что, хоть я и терпелив, лучше не доводить меня до крайности. Мы нужны друг другу. Просто необходимы. Это вопрос выживания. Мы так долго живем и «работаем» вместе, что, кажется, скоро сольемся в симбиозе. Поэтому она замолчала — как всегда, вовремя. Оставались считанные секунды до того момента, когда Оборотень, живущий в лабиринте моего мозга, отозвался бы на нехитрую песенку и вышел, чтобы «поддержать» мое тело. Я не умел его будить. А вот Сирена умела. Она тонко чувствовала острые и опасные грани и могла остановиться на самом краю. Прекрасное качество, особенно в сексе — если хочешь хоть немного разнообразить это скучное занятие. Без ее изощренности моя жизнь была бы такой пресной...

(Иногда мы выпускаем Оборотня порезвиться.

Но это происходит лишь в самом крайнем случае и является мерой, продиктованной абсолютной необходимостью. Так трудно бывает загнать его обратно. Таким мучительным становится возвращение для меня. Все равно что отвоевывать собственный замок, изменившийся до неузнаваемости. Замок, в котором таинственным образом перепутаны все ходы, пропали нужные двери и заживо замурованы верные слуги...

Я не помню, что происходит, когда правит Оборотень. Нельзя увидеть собственный затылок. Сирена утверждает, что у Оборотня мое лицо. *Почти* мое лицо. Может быть, это хуже всего. Я не видел и не знал своего двойника. Его Бестелесность объясняет это следующим образом: солнце светит всем, но само по себе оно черно, как отхожее место в аду. Вшивая казуистика. Его Бестелесность! Когда Он не слышит, я произношу короче: ЕБ. Сирена понимает. Бессильный юмор для двоих...

Но, как выяснилось позже, я был не единственным, кто додумался зашифровать «священное» имя.)

В конце концов Сирена решила меня убаюкать. Она сняла бронежилет, расстегнула джинсовую рубашку, прилегла рядом на левый бок и сунула мне свою белую полную грудь. Я с благодарностью обхватил губами огромный

торчавший столбиком сосок и втянул в себя первые капли теплого женского молока.

Оно имело восхитительный вкус, оно усыпляло как самая нежная колыбельная, оно было питательным, насыщенным витаминами и прекрасно помогало восстановить силы. Ощущая языком и небом это живое чудо, я медленно уплывал в туман сновидений.

Правда, напоследок довелось испытать острое сожаление. Я подумал, что молоко Сирены скоро иссякнет. Нашего младенца похитили воры, пробравшиеся, как я предполагаю, с четвертой горизонтали. Чтобы подтвердить факт кражи, они оставили свой жетон. Его Бестелесность долго смеялся над нами...

Наша девочка, наша бедная крошка. Какая жалость... Сирена утверждала, что ее дочь будет красавицей, когда вырастет (*если* вырастет). Даже придумала ей имя — Елена. Поторопилась. Только матери предаются наивным фантазиям. В остальном Сирену наивной не назовешь.

Эх, не надо было вообще выносить малышку из укрытия, не надо было брать ее с собой! Пусть бы орала себе в логове! И все же следовало благодарить судьбу за то, что на месте воров не оказались убийцы.

Думая о Сирене, я отчего-то вспомнил Жасмин. Как далеко то время, обозначившее века,

прошедшие во внешнем мире, и как ужасающе близко внутри меня! Мне привиделось старое кладбище, с неба лилась вода, повсюду была вязкая земля вместо металла, кресты выплывали навстречу из темноты. Те, которые я уже миновал, удалялись; на всех было высечено одно и то же имя. Я казался себе чем-то бесплотным, протянувшимся из прошлого в будущее и непостижимым образом соединившим непустые могилы, которые мокли под ледяным дождем.

Ближе, ближе, ближе безжалостный скальпель предвечной зари. Электрической зари...

Молоко.

Тепло.

Темнота.

«Твои черные глаза и белая...»...

2

СНЫ ОБОРОТНЯ: СТАРУХА

Он шел уже очень долго в поисках края обитаемого мира и тащил за собой свою смерть. Впрочем, так ему только казалось — еще неизвестно, кто кого заставлял двигаться: то ли он бежал от смерти, опережая ее на какой-нибудь шаг или ничтожное мгновение, то ли немощная на вид старуха помогала ему идти, подталкивая в спину. У нее не было плети, никаких вульгарных орудий и

угроз; вполне хватало ее молчаливого, неизбежного присутствия. Она могла быть легкой, как поцелуй ребенка, или тяжелой, как скала (и тогда он вынужден был лежать, привалившись к ней спиной и не в силах сдвинуться с места). Ему досталась в спутницы переменчивая стерва. Настоящая капризная сука! Вдобавок уродливая, морщинистая и колченогая. Она была непредсказуема.

Постепенно он усвоил одну вещь: смерть всегда рядом, поджидает его даже в те редкие мгновения, когда он жадно проглатывал свои жалкие капли радости в оазисах покоя. А вот жизнь ускользала от него. Ее невозможно было застать врасплох и насладиться ею, ощутить как следует; она все время дразнила Париса, вспыхивая и кривляясь где-то у горизонта, и убегала с такой же скоростью, с какой он тщетно гнался за нею.

Если это не так, значит, все кончено. И тут не срабатывала маленькая хитрость с зеркалами. (Разве что заметишь краем глаза промелькнувший неясный силуэт, быстрый гаснущий отблеск запредельности — но ни в коем случае нельзя всматриваться; только спонтанность позволяет заметить нечто в отражениях; лучшие зеркала — стальные полированные стены Предела или лужи, однако ночью мешают звезды. Действительно мешают. Он проверял.)

Раньше...

ФРАГМЕНТЫ ПАМЯТИ: «РУССКАЯ РУЛЕТКА»

Лоун вывалился из публичного дома «Первая любовь» (две звезды, только «живой» секс, лицензия Департамента здравоохранения) около полуночи. Он умудрился накачаться уже после того, как удовлетворил свою похоть, и гард Дезире поддерживала его под локоток — слегка, чтобы не пострадало мужское самолюбие.

Ночь пахла так, как пахнут ночи только в пьяном мае, — то есть надеждой по большому счету. Для Лоуна это было в высшей степени необычное состояние, и он позволил себе опьяниться еще сильнее. Он остановился и задрал голову, глядя туда, где тускло сияли звезды, которые пытались пробиться сквозь коричневую пелену городского смога. Они представлялись ему запачканными в крови, будто старые бриллианты.

В этот момент Дез похлопала его по левому плечу. Она всегда оказывалась слева и сзади и напоминала о себе подобным образом, когда он забывался. Это было так привычно, что он давно не раздражался и не роптал.

Лоун спохватился и бросил взгляд себе под ноги. Тротуар был чистым, и от него исходил

противный запах шампуня. Честное слово, Лоун предпочел бы увидеть кучку блевотины или пару окурков, которые оживили бы безупречную стерильность плиток, загонявших воображение в однообразные ячейки своих бесконечно расползающихся сотов.

— Такси, — шепнула Дезире ему на ухо в этой своей ненавязчивой манере. Таким тоном умные мамы напоминают своим малолетним отпрыскам о назревшей необходимости отлить в кустиках.

В кустики Лоуну еще не приспичило. По правде говоря, ему требовалось только лечь и забыться. Утром все предстанет в ином свете. Физически он был изнурен постельным марафоном с двумя желтокожими проститутками. Их гардами оказались огромные, туповатые на вид дарки, и Дез тоже не скучала, обыграв обоих в покер. После точного подсчета фишек выяснилось, что выигрыш составил сто тридцать восемь суток. Маленький подарок для Лоуна. Вдобавок один из дарков доплатил разменными жизнями бродячих собак.

Обычно Лоун довольствовался вызовами девочек на дом — удобные и безопасные варианты за разумную цену, — но сегодня его потянуло на дно. Две звезды — дальше падать некуда, разве что подобрать в порту зараженную шлюху и жениться на ней. Надо было отведать острого блюда, впрыснуть чего-нибудь горячего в стылую кровь.

Наверное, гормоны разыграли. Не хотелось думать о том, что он предчувствует свою последнюю весну...

Теперь щебет двух желтых птичек казался ему мещанским пением канареек, а возня втроем — лишь примитивным заигрыванием с пороком. И пустота снова пялилась отовсюду.

Лоун поднял руку, останавливая проезжавшее по улице старое такси. Водитель резко свернул к тротуару. Его гардом был желтолицый толстяк (везло в тот день на желтых! Впрочем, они применяли самую надежную стратегию выживания — их было четыре миллиарда). Гард развалился на заднем сиденье, загромождая своей тушей половину салона, и без того слишком тесного. Лоун предпочел бы свободно прилечь и подремать всю дорогу до дома, однако в этом квартале и в это время выбирать не приходилось. Дез села сзади, а он устроился на узком переднем кресле без подголовника.

Лоун назвал адрес, и водитель рванул с места. Лоун отвернулся от него, чтобы не дать ему повода заговорить. Потом он бросил взгляд в зеркало, укрепленное на лобовом стекле, и заметил, что толстяк и Дез обменялись колодами. Это тоже было не ново, хотя никто из «клиентов» не знал, какой смысл заключался в передаче. Не то чтобы гарды дорожили своим барахлом. Вовсе нет. Часто колоду

можно было обнаружить в мусорном баке. Но это всегда была *использованная* колода. Отыгравшая. И это означало, что кто-то в свою очередь тоже «сыграл в ящик».

— Что-то твой плохо выглядит, — нарушил молчание желтолицый, обратившись к Дезире. — По-моему, ему недолго осталось. Везет тебе.

Она засмеялась, будто замурлыкала сытая кошка.

— Ничего, протянет еще пару лет.

Толстяк полез под плащ и достал револьвер. Раздался негромкий щелчок механизма. Затем желтолицый откинул пустой барабан и сунул в него один патрон.

— Пари? — предложил он.

Лоун был слишком пьян, чтобы сразу принять происходящее всерьез. А зря. Однажды Дез чуть не проиграла его оставшуюся жизнь — и только наглый блеф позволил вернуть все. *Почти* все. Тогда в Лоуне что-то сломалось. То была не единственная жестокая игра. Но до «русской рулетки» дело еще ни разу не доходило.

Сначала Лоун подумал, что сейчас блефует толстяк. У гардов были своеобразные способы развлекаться... Собственные мысли казались какими-то расплывающимися и нечеткими, словно невидимый палец выводил их на запотевшем от алкогольных паров стекле.

— Ставлю сотню, — объявил толстяк. — На три захода.

— Принимается, — согласилась Дез.

Водитель покосился на Лоуна, но не сочувственно, как можно было бы ожидать от двуногого животного того же вида, а критически, словно прикидывал, достаточно ли у пассажира мозгов, чтобы заляпать лобовое стекло. В его взгляде ясно читалось: лучше бы их оказалось поменьше.

Похоже, гарды не шутили. Убедившись в этом, Лоун испытал минутную жуткую слабость и тошноту. Та словно поджидала его за непредвиденным поворотом событий и теперь жидкой колышущейся тенью влилась в живот.

Машина мчалась слишком быстро, чтобы пытаться выпрыгнуть из нее. Лоун предпочел бы все же раскроить череп об асфальт, чем дать угробить себя, как жертвенного барана. Напасть на водителя? Но если Дез решила, что его время вышло, то не спасет ничего. Дергаться бесполезно. Приговор будет приведен в исполнение в любом случае, в любом месте. Это абсолютно и неопровержимо, как восход солнца.

Обошлось без дешевых драматических эффектов. Никакого замедления времени, никаких воспоминаний, никаких документальных кадров из прошлой жизни. И даже не было особого

сожаления. Просто ощущение какой-то скоротечной нелепости.

Первый щелчок.

Водитель сосредоточенно глядел на дорогу. Толстяк разочарованно хмыкнул.

Второй щелчок.

Дезире зевнула, деликатно прикрыв ладонью рот. Толстяк промокнул платочком лоб.

Третий щелчок.

Желтолицый выдохнул сквозь зубы и полез во внутренний карман за деньгами.

Пока он, огорченно пыхтя, перебирал мятые купюры жирными пальцами, Дезире успела снисходительно потрепать его по щеке. Он не посмел обидеться. Наверное, уже понял, с кем имеет дело.

— Наверное, недавно на работе? — спросила она.

— Первый клиент, — буркнул толстяк.

— Обожаю сопляков! — прикончила его Дез и отвернулась.

4

Я тихо выбрался из укрытия, закрыл шлюз и отправился в сторону Коридора Статуй, расположенного на третьей горизонтали. В конце Коридора я, как всегда, остановился возле

бессмысленного прибора, показывающего температуру за стенами замка. Я уставился в зеленоватое окошечко с призрачной надеждой. Одно из показаний прибора было «ЗК», другое — «-270 °С». Всякий раз я ждал, что показания изменятся, но они не менялись с того самого момента, когда я обнаружил прибор.

А между тем над Монсальватом восходило солнце. Я увидел его слепящие лучи в восточных окнах. Через секунду волшебные витражи приглушили яркий свет. Правда, ЕБ утверждал, что замок сам «разворачивается», поочередно подставляя светилу разные стороны. По-моему, старик свихнулся. Нельзя быть слишком умным — это чревато воспалением мозга.

(Откуда я знаю, что Он — старик? У Него дребезжащий голос, лишенный интонаций. Голос звучит немного по-разному в разных частях замка. Это какая-то зловещая игра. Проклятье! Голос — вот и все, что мне известно о Нем.)

Сегодня в окошечке прибора были те же цифры и буквы.

Ну и что? Всего лишь еще одно разочарование. Куда менее значительное, чем проблема Сирены, потерявшей ребенка. Впрочем, вид у нее совсем не страдальческий. Не скажешь, что она убита горем. Наверное, понимает, что у младенца почти не было шансов. Особой нежности

к нему она не испытывала, пока вынашивала плод в ранце. Я не хотел бы думать, что Сирена — бесчувственное чудовище с извращенными инстинктами. Мутант — да, но не чудовище. Ведь она же любила меня! Или нет? В чем вообще можно быть уверенным *здесь* ?..

С другой стороны, зачем ей притворяться? И то, что она кормила меня своим молоком, тоже немало значило — ведь она могла бы обменивать его на патроны у торгашей или тех же воров. Между прочим, молоко стоило недешево...

Покончим с этой печальной темой. Младенца не вернешь, хоть ЕБ и намекает на что-то в этом роде, если я выполню Его приказ. Посмотрим. Я стараюсь, из кожи вон лезу. Иногда в прямом смысле. Но если бы все было так просто! Вчерашняя охота опять закончилась неудачно. Поэтому я без особого восторга ждал очередного сеанса связи с Его Бестелесностью. Я знал, что Он снова будет требовать, ныть, бубнить, угрожать, ругаться — изменялся смысл слов, но не голос.

ЕБ мог в любую секунду уничтожить меня — как и всех других обитателей замка (я уже видел гибель некоторых неугодных властелину, эффектную гибель — ядовитое облако, взрыв, ослепительная дуга, смыкающиеся плиты, усиленное во много раз хоровое пение Сирен — и наверняка в Его распоряжении была сотня-другая

еще неиспробованных способов), — однако насчет себя я пока спокоен. Я нужен Ему. Что Он будет делать без моей помощи, проклятый неуловимый призрак? Найти замену сладкой парочке вроде нас ох как нелегко. В общем, ЕБ еще потерпит, а я еще погуляю по Монсальвату во плоти. Или я чего-то не понимаю, или времени у Него — целая вечность. Так зачем пороть горячку, словно ты какой-нибудь двуногий примитив!

Покончив с разглядыванием прибора (те же «минус 270». Надо завязывать с этой дурацкой привычкой, столь же бесполезной, как и молитвы!), я отправился в Зеркальную Галерею, к ближайшей кормушке, где обычно можно было найти завтрак. Еда появлялась по приказу Его Бестелесности — в этом я не сомневался. Иногда он проливал на нас дожди изобилия, но чаще держал на голодном пайке. Чтобы не расслаблялись и оставались в «форме». И еще куча причин.

С утра настроение было неплохое; хотелось казаться добрым и подать Сирене кофе в постель. Ну, насчет кофе я, конечно, загнул — это одно лишь название для коричневой бурды, которой поит нас ЕБ. Лично меня вполне устраивало молоко моей подруги. После вчерашней вечерней дозы я чувствовал себя свежим, будто цветочек на майском лугу. (Черт, разве я видел когда-нибудь хоть один настоящий *живой* цветочек, а тем более

майский лужок? Чем нафарширована моя несчастная башка? Откуда во мне все это — лишнее, нездешнее, иногда пугающее? Или это не мое? Чье же тогда? Может быть, это принадлежит Оборотню?..

Я не задаю подобных вопросов вслух — должно быть, срабатывает инстинкт самосохранения. Сирена примет эту блажь за проявление слабости. Скорее всего, так оно и есть. В любом случае существуют вещи, к которым нельзя подпускать никого, даже призраков. В *особенности* призраков!

Поэтому мнение Его Бестелесности об извращенных свойствах моей памяти мне неизвестно. Думаю, если бы Он узнал о них, то был бы не очень доволен. «Не отвлекайся от главного, скотина!» — Его привычная песенка...)

Я вошел в жутковатую гулкую галерею. Вдоль ее зеркально-металлических стен тянулись два ряда черных колонн. Протиснувшись между ними, можно было увидеть свое отражение. Всякий раз немного другое, вот что нехорошо.

Из другого, темного и неразличимого, конца Галереи тянуло сухим холодным сквозняком. Ветер без запаха — что может быть неприятнее? Только смрад мертвечины... А к запаху моего собственного страха я давно привык. Это всего лишь выделения подкожных желез. Я научился

отфильтровывать как собственное зловоние, так и собственную вину.

На протяжении пятисот шагов Галерея была практически безопасна. Если зайти дальше, могли начаться приключения. Но не обязательно. Все зависело от других обитателей Монсальвата. И, конечно, от ЕБа.

Неслышно ступая и поглядывая по сторонам в поисках незваных гостей, я подкрался к нише, в которой появлялась еда. Не знаю, почему именно в этом месте была оборудована кормушка, нарушавшая стройность Галереи и всего темного замысла. Сейчас в нише было пусто. Я сунул туда руку и слегка пошарил. Черная квадратная дыра. Я по опыту знал, что бездонная. Пару раз бросал туда стреляные гильзы и не услышал ни звука...

Тэк. Значит, сегодня придется самим добывать себе жратву. Не иначе, ЕБ решил нас наказать. Какой же Он мелкий гнилой ублюдок! Мстительный и обидчивый, словно божок из первого тома Библии. Я не болтаю с чужих слов. Правда. Я теперь тоже в курсе — Сирена в течение многих месяцев читала мне в перерывах между соитиями и на сон грядущий. Она знает Библию наизусть. Все три тома, включая Новейший Завет. Я тоже кое-что запомнил. Например, десять коанов Иуды Четвертого. Ну а теперь скажите, разве у меня не потрясающая память?

Оставшись ни с чем, я вернулся в родной закоулок, который был изучен мною до сантиметра. Подойдя к двери шлюза, я набрал код. Замок прогудел отказ. Я точно помнил, что утром не менял код. Снова запах страха. Теперь целое облако окутало меня. И во рту появился его кислый привкус...

Лишиться Сирены — очень плохо. Лишиться укрытия — худшая из неприятностей. Укол в самое сердце. Никогда не думал, что еще могу испытывать такую боль. Я застучал по клавишам замка в легкой панике, хотя нечто подобное много раз снилось мне и я неоднократно проигрывал ситуацию в уме. Реальность оказалась жестче. Этим она и отличается от кошмаров. Только этим.

Замок щелкнул. Кто-то открыл шлюз изнутри. Дистанционно. Ловушка? Что случилось с Сиреной?

Едва дверь начала открываться, я услышал доносившийся изнутри мужской голос. Хриплый баритон. Абсолютно незнакомый.

Я облегченно выдохнул. Стерва с чувством юмора — неотразимое сочетание. Войдя внутрь, я застал ее за ежеутренним ритуалом наведения красоты. При этом она напевала себе под нос «Nothing to fear». Английский. Ненавижу полиглотов. Я мельком заметил, что она поменяла код. Обычно мы делали это вместе примерно раз в

месяц. На всякий случай.

Я любовался ее голой стройной спиной, на которой еще остались нерассосавшиеся шрамы от патрубков ранца. Переход от талии к бедрам — невыразимая гармония линий. Жаль, что я ни черта не смыслю в математике. Кривые какого порядка описывают тленную красоту?

Сирена подняла руки, расчесывая волосы. Там, где начиналась ложбина между ягодицами, подрагивал розовый отросток. Такой трогательный, такой обманчиво беззащитный...

Я невольно нашел взглядом ранец. Теперь, когда внутри не было плода, он был брошен за ненадобностью в угол и валялся там, словнодохлый зверек.

Вскоре Сирена лишила меня эстетских забав, напялив комбидресс. Я заметил, что у нее возобновились менструации. Связано ли это с истязавшими меня песенками? Или с появлением странного крестообразного пятна у нее на животе? Кажется, да, но, имея дело с бабой, нельзя ни за что ручаться. Мне доводилось наблюдать куда более забавные психосоматические эффекты.

Мы понимали друг друга с одного взгляда, поэтому говорили только в крайнем случае. Сирена мгновенно уловила, что кофе не будет. Презрительно сощурилась и занялась оружием и бронежилетом.

Я забрался в туалет, отделенный от остального помещения занавеской. Здесь два отверстия: одно в потолке, другое, побольше, — в полу. Бывает, из верхнего льется водичка, так что можно помыться. Никакой закономерности ее истечения выявить не удастся. Зато нижняя дыра постоянно в нашем распоряжении. Почему-то я уверен, что колодец никогда не наполнится...

Примерно через пять минут из зарешеченных отверстий в стенах раздался пронзительный стон слайд-гитары. И холодный электрический свет стал ярким. Настолько ярким, что хотелось зажмуриться. Но свет прожигал даже тонкую кожуцу век. Не проснулся бы только мертвый.

ЕБ созывал свою паству на утреннюю проповедь. Проповедь вместо завтрака. Неплохо придумано. Неужели старый маразматик всерьез полагал, что духовная пища лучше усваивается на голодный желудок?

Но попробуй откажись! Мигом схлопочешь струю слезоточивого газа в морду или еще чего похуже. Я выругался про себя и поплелся в сторону Храма. Сирена держалась чуть сзади, прикрывая мою задницу. Мы привыкли и ходим так даже в тех местах, где нет *видимой* опасности. Что-то подсказывает мне: опасность есть везде и всегда. Просто не настал еще тот день... День Гнева.

Мы выбрались на восьмиугольную Красную площадь. Она была густо усеяна металлическими

сота́ми, которые ЕБ отчего-то называл «булыжниками». Сейчас, при розовом свете имитатора зари, площадь и впрямь казалась красной. Статуя Свободы сегодня была повернута к нам мощным задом и, соответственно, лицом на восток и держала факел на уровне груди. Застыла в позе робкого проводника, которому некуда идти и нечего предложить. В чаше факела пылал вечный голубой огонек. Иногда ЕБ поджаривал на нем слишком ревностных праведников. Я давно уловил, что крайности опасны для здоровья, и потому старался придерживаться серой середины.

Со всех сторон к Храму стекались двуногие. Даже раненые выползали, как черви, из стальных нор. Люди. Слуги хозяина. Вассалы. Крепостные. Несчитанные мертвые души... Тут были парочки вроде нас, но чаще встречались целые отряды, подобранные по профессиональному признаку, хотя попадались и одиночки, упорствующие в своем заблуждении. Жить надо в любви. Бог создал человека двуполом. Одиночек становилось все меньше, и лиц я не узнавал. Зачем мишеням лица?

Проповедь или совместная молитва — час вынужденного перемирия. За нарушение — смертная казнь немедленно. Насколько я помню, желающих проверить это не находилось. Все вели себя как сбитые в кучу дикобразы — ядовитые колючки в стороны; хоть и тесно, но близко не

подходи! (Дикобразов я видел на триптихе, висящем в тронном зале. Триптих называется «Предвкушение Святого Антония».) Напряженность можно было зачерпывать ведром и разгребать руками. В таком плотном кольце людей я начинал чувствовать что-то похожее на удушье. Сколько страха! Липкий густой кисель. Смог из выделений. И моя струйка достойной толщины истекает в общую клоаку...

Вокруг каждого из нас образовалась незримая зона; проникновение в нее чужого организма доставляло почти невыносимую муку, словно кто-то запускал пальцы под кожу. Зона отчуждения. Зона неприкосновенности. Зона защиты индивидуальности. ЕБ любит порассуждать об этом, посвящая целые проповеди анализу нашего поведения. Это унижительно, но отчасти поучительно. И скорее всего правильно.

Впрочем, не все держали дистанцию. Я заметил, что какой-то плюгавенький хмырек подбирается к Сирене сзади. Для вора он действовал слишком уж неприкрыто. Стоило мне увидеть его сальную рожу, и сразу стало ясно, с кем имеем дело.

Сирена подмигнула: дескать, не переживай, я в комбидрессе. Я особо и не волновался, но тем не менее. Это уже наглость — клеить мою самку прямо в Храме!

Я преодолел свою утонченную брезгливость к себе подобным и начал смещаться вправо, пропуская Сирену вперед. Пришлось войти в чересчур тесный контакт с другим парнем, в котором я определил убийцу по характерному вооружению и взгляду, полному невыразимой боли. Жетона видно не было, но, думаю, я не ошибся.

С убийцами шутки плохи. Однако этот явно отнесся с сочувствием к моей маленькой проблеме и тоже сместился вправо, освобождая мне место для маневра. Был тот самый случай, когда нельзя рассматривать других людей в упор, зато начинаешь ощущать их кожей — причем не только присутствие, но даже намерения.

Я замедлил шаг. Сирена проскользнула мимо. Я поравнялся с плюгавым. Как и следовало ожидать, на груди у того болтался выставленный напоказ жетон Гильдии прелюбодеев. Эти ублюдки в своем рвении опережали всех остальных.

Никто из нас не делал резких движений — не покидало ощущение, что ЕБ наблюдает за всеми сразу и отовсюду. Вообще-то подобное ощущение порой возникало у меня даже в укрытии (особенно в минуты близости с Сиреной), но в Храме оно становилось сильным и неоспоримым. Я относил его на счет специфической здешней неврастении. Вероятно, это был изящный самообман. Под сводами Храма поблескивали круглые предметы,

которые вполне могли оказаться объективами телекамер. Иногда я думал: если мы начнем одновременно палить по ним, удастся ли нам ослепить ЕБа раньше, чем Он сожжет всех нас в Геенне? Всего лишь абстрактный интерес. У меня не хватило бы духу заговорить об этом даже с Сиреной...

(Телекамеры! Не слишком ли я наивен и примитивен? Может, Ему вовсе не нужны «глаза». Может, Он находится *внутри* каждого из нас. Но так ведь еще страшнее, не правда ли?)

Значит, ЕБ всеведущ? Я тешу себя надеждой, что нет. В подкрепление этой безумной надежды я имею лишь одно свидетельство Его ограниченных возможностей: Он снова и снова заставляет нас с Сиреной искать *то место*. Вероятно, не только нас. Не удивлюсь, если *все* обитатели замка заняты, в сущности, одним и тем же — безрезультатными поисками. Эта жалкая попытка обрести смысл только усугубляет ужасную бессмыслицу!)

Тут я заметил, что у прелюбодея уже расстегнуты штаны и он трется своей напряженной плотью об ягодицы моей жены. Ну-ну, давай, дурачок! Я улыбнулся, догадываясь, что будет дальше. Во всяком случае, мое вмешательство наверняка не потребуется. Не думаю, что моя улыбка была заметна снаружи. Так, всего лишь

дрогнули уголки губ. С проклятым ЕБом приходится постоянно быть настороже...

Сирена на ходу слегка подвигала кормой, словно поощряя самца. Тот завелся по-настоящему. Да и кто бы не завелся на его месте? Он даже позволил себе бросить в мою сторону мгновенный косой взгляд. Наверное, решил, что я слабак, не способный как следует удовлетворить свою бабу.

Тем временем вся паства забилась в Храм, и ЕБ закрыл металлические ворота. Какое представление ожидало нас сегодня? Его Бестелесность непредсказуем, неистошим и многообразен в своей изобретательности. Поэтому я всякий раз с нетерпением ожидал зрелищ и проповедей. Они не повторялись, хотя порой отдавали дурным вкусом и патологической жестокостью. Но ведь это всего лишь интерпретации человеческих проявлений, не так ли? Зачем же стесняться и воротить нос от самих себя? Тем более что мы живем такой скучной и однообразной жизнью. Сборища в Храме — хоть и у-Богое, но все же развлечение.

Например, я любил смотреть, как...

5

Свет начал меркнуть. Воцарились желтоватые сумерки с гнильцой, а затем все утонуло в

пепельном закате. Набухала жирная черная тьма. Раздалась органная музыка — мрачная и величественная. Она достигла оглушительной громкости. На несколько секунд наступил полный мрак. Сквозь идеальные стыки металлических плит не просачивалось ни единого лучика света. На протяжении этого времени мощный звук выдавливал из меня остатки суетных мыслей и побуждений. Я растворялся в темноте...

Под конец краткой прелюдии стало казаться, что свет никогда не вернется, что мы навеки заперты в огромной металлической могиле. Здесь нам предстоит задыхаться, и пожирать друг друга, и медленно сходить с ума...

Но вот трепетно забилась искусственная зеленоватая заря. Лазеры, не иначе. Мы с Сиреной и плюгавым совратителем оказались примерно в шестом или седьмом ряду. Прелюбодей прижимался к моей жене все теснее и даже запустил руку ей между бедер.

Удивляюсь я этим уродам. Как они умудряются при подобных обстоятельствах сохранять эрекцию! Их не возьмешь ни органным ревом, ни спецэффектами. ЕБу давно следовало бы объединить прелюбодеев с Гильдией идолопоклонников.

Наш ненасытный мужчинка уже нащупал застежку комбидресса и, повозившись с нею,

обнажил упругие тела Сирены. Он делал это медленно, осторожно и с упоением. Я восхищался его настойчивостью. Если бы ему удалось осуществить задуманное здесь и сейчас, он мог бы получить поощрение и высоко подняться в иерархии Гильдии. Или даже претендовать на перевод в касту жрецов ЕБа.

Сирена слегка выгнулась, будто приглашая его в себя, но на самом деле ее мощный круп не оставлял жалкому стручку прелюбодея никаких шансов. Бедняга перевозбудился от сухого трения и был близок к оргазму, когда элегантный «хвостик» Сирены вдруг увеличился в размерах и обрел подвижность. На его конце обнаружилась воронкообразная присоска...

На дальнейшее можно было не смотреть. Для мужчины впечатления пренеприятнейшие. Даже меня передернуло, когда раздался еле слышный чавкающий звук, а затем короткий хруст. Прелюбодей дико завизжал.

Я застыл с невинной рожей, глядя на потрясающей красоты голограмму, которую явил нам ЕБ. Думаю, что личико Сирены тоже выражало в эти мгновения исключительно религиозный восторг. Убийца, стоявший справа от меня, и бровью не повел, хотя я уловил мощный выброс запаха.

Короче говоря, один только прелюбодей

выдал себя воплями и движениями. Но после того, что с ним приключилось, сохранять покой могла бы лишь статуя (на разных горизонталях Монсальвата я видел множество статуй с обломанными конечностями и отбитыми фиговыми листками). Евнух крутился на полу, держась руками за пах. Я точно знал, что где-то рядом валяется его оторванное достоинство. Человечек орал непрерывно и душераздирающе. Но долго страдать ему не пришлось.

В каком-нибудь метре от меня пронеслось что-то тяжелое, обдавшее лицо холодным выдохом, — черная стремительная тень. Металл лязгнул по металлу. Этот звук заглушил последний вскрик плоти. Прелюбодей мгновенно замолк.

Я медленно повернул голову. Теперь было можно — все кончилось. Рядом со мной распластался мертвец с пробитой грудью. Он был пригвожден к ячеистому полу огромным стальным штырем толщиной с руку. Как я и предполагал, тут же валялся его окровавленный член. И кое-что еще: кусок языка, который он сам себе откусил.

В голове у меня возник неизвестно откуда взявшийся образ уродливого многоногого насекомого, пришпиленного булавкой к картонному листу. До сих пор я видел только голографические изображения бабочек... Становилось не по себе при мысли о том, что над

каждым из нас торчит обращенный острием книзу кол, который может упасть в любую секунду. Смешные мы все-таки существа! Ходим по лезвию бритвы; знаем, что следующее мгновение чревато смертью, — и все же ужасаемся, когда прибирают кого-то по соседству.

Ну а «проповедь» продолжалась как ни в чем не бывало, и мы снова обратили свои подернутые дымкой печали взоры к голографическим чудесам. В дымном облаке, плывущем на фоне искусственных звезд, рождались зыбкие формы, которые постепенно приобретали очертания человеческих тел.

Вскоре до меня частично дошел замысел ЕБа — я, конечно, не мог претендовать на полное понимание. Он демонстрировал нам сиамских близнецов, сросшихся спинами. Близнецы были женского пола; их лица отличались классической красотой. У одной из женщин имелась белая паранджа, опущенная на грудь и напоминавшая салфетку. Над ее головой парил золотой нимб. Должно быть, она изображала аллегорическую Девственницу. Другой сестричке, с клеймом Зверя на нежном и гладком лбу, вероятно, выпало представлять Блудницу. Если ЕБ намекал на двойственность человеческой натуры, то я был с Ним полностью согласен.

Раздался громкий скрежет, потревоживший

гармонию безмолвного парения. Плиты в центре Храма сдвинулись со своих мест и поползли в стороны, открывая круглый бассейн. Толпа выдохнула и попятилась, будто испуганное стадо свиней (надо ли упоминать о том, что я ни разу не видел целой *живой* свиньи — в лучшем случае кусочки мяса на костях, которые нерегулярно швыряет мне ЕБ! Но чье это мясо на самом деле? Лишь бы не человеческое...).

Бассейн оказался доверху заполнен жидкостью, а на ее поверхности расплылась радужная нефтяная пленка. Яростный огненный язык выплеснулся из отверстия в боковой стенке бассейна, и вверх взметнулось пламя.

Сиамские близнецы внезапно обрели плоть. Момента, когда произошла подмена, никто не заметил. В следующую секунду голографический призрак превратился в четверорукий и четвероногий визжащий комок, который падал, кувыркаясь, из-под свода Храма точно в середину бассейна. Сорвавшиеся с невидимого каната нелепые акробаты... Не понимаю, какая сила удерживала их наверху, но теперь она исчезла.

Со всех сторон ударили лучи мощных прожекторов. Ослепительный, беспощадный свет. ЕБу всегда была присуща болезненная непристойность в выявлении мельчайших подробностей — это касалось как человеческих

страданий и пыток, так и воспоминаний и тайных влечений...

Близнецы вертелись и барахтались, отчаянно борясь с огнем, водой и друг с другом. Это была самая уродливая возня, какую я видел в своей жизни. Им было уже не до сестринской любви. Адская боль убивала разум; инстинкт заставлял терзать и топить самое *близкое* (ближе не бывает!) существо, из последних сил цепляясь за жизнь. И это при том, что смерть одной из сестер все равно означала бы скорую смерть второй!

Каждая из них пыталась плыть, но другая неизбежно оказывалась под водой и начинала захлебываться. А сверху поджидало жадное пламя, и кислорода оставалось все меньше. Одна горела, но пыталась глотнуть воздуха; вторую брало за горло черное, холодное, мокрое удушье... Через секунду они уже менялись местами; лица обеих были изуродованы ожогами и стали неразличимы. Девственница, Блудница... Утонули обе. И обгорели обе. И обе отправились в небытие.

Выплыть они могли бы только вместе, но как? Рванувшись в разные стороны?! Разрушив нерасторжимую связь? Природа связала их еще в матке, сделала единым целым в жизни и в смерти, наделила органами на двоих, а ЕБ обрек на кошмарную казнь, свидетелями которой стали мы все. Я не удивился бы, если бы узнал, что самые

тупые из нас сейчас задумались: кто же был их собственным незримым «сиамским близнецом»? Кто утащит их на дно или толкнет в огонь, когда придет час расплаты?..

Во всяком случае, я подумал об этом. И Сирена тоже. Взгляды, которыми мы обменялись, были вполне красноречивы. Недосказанностей не осталось. Благодаря психической вивисекции, которой подвергал нас ЕБ, мы узнали друг о друге очень многое. Кое-что хорошее, кое-что плохое. Кое-что *очень плохое*. Но я был даже рад этому. Я мог любить и ненавидеть Сирену, как самого себя.

ЕБ на сегодня закончил. Это была притча, произнесенная Им без единого слова. Когда нефть догорела и в черной полынье всплыл обугленный труп, раздался хохот Его Бестелесности, потрясший нас своей громкостью. Почти удар грома — правда, без освежающего ливня.

Я невольно поморщился, но поостерегся закрывать уши ладонями, как это делали другие. Уж если ЕБ хочет, чтобы вы Его услышали, то Он этого добьется, будьте уверены! И разве не для этого существуют изматывающие, принуждающие в отчаянии лезть на стенку, сводящие с ума песни Сирен?

Настали самые удобные секунды для воров. Время проявить ловкость рук, прыткость и характер. Я заметил краем глаза, что некоторые из

них не дремали, пока ЕБ наслаждался своим могуществом.

Металлические «губы» сомкнулись, прикрыв круглую «пасть». Сиамские близнецы отправились напрямик в Геенну и сделались воспоминанием. В Храме не осталось и следа произошедшей казни. Даже вонь горелого мяса быстро растворялась — мощные вентиляторы гнали волны стерильного холодного воздуха. Несмотря на это, я ощущал, что у меня на коже выступил липкий пот. Какая-то предательская слабость разливалась по телу, будто я был пластилиновым человечком, оказавшимся слишком близко к источнику тепла и света. Суставы размягчались. Я готов был сдаться и отступить, но только перед одним — перед абсолютной, непреодолимой бессмыслицей существования. Зачем все продолжалось? Зачем это бесконечное абсурдное шоу? Независимо ни от чего наша жизнь в Монсальвате останется прежней. И ужасающе запрограммированной, уже записанной на кремниевых скрижалях в недрах ЕБа, будет наша смерть!

Он открыл ворота Храма, что означало: молитва (проповедь, экзекуция) окончена. Мы стали медленно разбредаться. Пока еще медленно. Так сжимаются пружины, чтобы мгновенно выстрелить.

Всякий раз возникала сложная и

непредсказуемая ситуация, грозящая хаосом. Очень трудно точно определить момент окончания перемирия. Нет гарантии, что какой-нибудь ретивый и нетерпеливый убийца или хулигатель не начнет зарабатывать себе очки прямо перед воротами. Массовые стычки, нередко перераставшие в кровавые побоища, происходили именно здесь. Нормальные семейные люди вроде нас с Сиреной предпочитали тихие, интеллигентные разборки в дальних коридорах лабиринта. Но провокатор всегда найдется. Во что только не втягивали толпу разные кретины! Так было и так будет во веки веков.

Вот и сегодня не обошлось без небольшой заварушки, которая началась с...

6

Как обычно во время исхода, первые и последние поменялись ролями. Те, кто оказался поближе к выходу, уже скрывались в туннелях, а жадные до зрелищ и запоздавшие по причине физической неполноценности мечтали сделать то же самое, чтобы побыстрее исчезнуть с открытого места.

Ох уж эта боязнь пространства! Хуже болезни. Ужасная штука, знаю по себе. Чувствуешь себя мухой на голой стене, мухой с оборванными

крылышками, над которой уже занесены мухобойки...

Итак, мы устремились к своим норам, а значит, не удалось избежать крайне неприятных, поистине мучительных контактов. Кое-кто достал оружие и готов был пустить его в ход. Мои ноздри затрепетали, вынюхивая выделения охотников и жертв. Над толпой поплыл концентрированный запах, в котором в равной пропорции смешались агрессия и паника. Кстати, я до сих пор не уверен, что это не одно и то же...

Все шесть органов чувств были обострены до предела. Единственное желание — избежать опасности, оказаться в уютной кишке коридора, где все станет гораздо проще... Повсюду сновали убийцы, умеющие исподтишка сунуть перо в спину. Я прикрывал Сирену, не забывая о собственной заднице, поэтому не сразу понял, по какой причине возник ропот, напоминавший сдавленный смешок. Вор, скользивший слева от меня, оглянулся и оскалился. Я не поддался на этот дешевый трюк, однако затем и Сирена ткнула меня локтем в бок. Я проследил за ее быстрым взглядом. Секундное удовольствие едва не стоило мне жизни.

На воротах Храма появилась надпись, сделанная при помощи баллончика с аэрозолем. Краска была совсем свежей, и буквы кое-где подтекали, выпуская уродливые ложноножки.

Скверна, черная скверна! Наверняка постарался кто-то из хулителей, причем умудрился благополучно ускользнуть. Единственное, чего ему теперь следовало опасаться, это предателей — членов самой малочисленной, но зато и самой привилегированной гильдии. Они стоят выше всех. Аристократия Монсальвата. Тайная полиция. Иногда мне кажется, что они умеют становиться невидимыми и успевают повсюду. Почему бы нет? Ведь дана же мне способность *вынюхивать*, а Сирене — способность *петь* ...

Однако сегодня предателям явно не повезло. То ли потеряли бдительность, то ли чересчур увлеклись спектаклем. Мне трудно было вообразить себе, каким будет гнев Его Бестелесности. Тем более что надпись гласила: «ЕБ трахал свою мамашу!»

Я злорадно рассмеялся про себя, но тут же ощутил сильнейший удар под лопатку. Я едва не рухнул вперед, зато нож, брошенный справа, пролетел на расстоянии нескольких сантиметров от затылка, обдав его приятной прохладой. И если в первом случае меня спас бронежилет, то во втором не спасло бы ничего. Живо представив свою голову с рукоятью, торчащей из глазницы, я подтолкнул Сирену в сторону Ржавого перехода, в котором имелся потайной люк и лестница, выводящая на вторую горизонталь. Это означало более длинный

путь до нашего логова, но лучше дольше топтать на своих двоих, чем валяться на полу и дрыгать ими в последней пляске...

И началась дикая охота. Кто-то вскрикнул за моей спиной; потянуло едким ароматом крови. Последние пять-шесть шагов до норы я проделал спиной вперед, держа обе пушки у бедер, однако убийцы уже выбрали другую жертву и занялись каким-то одиночкой, которому сегодня повезло меньше, чем мне. Чуть дальше, возле Оружейной палаты, развлекались парни с жетонами идолопоклонников. Эти никогда не забивали до смерти, а утаскивали оглушенных пленников в свою зону, где тех, конечно, не ожидало ничего хорошего. Однажды я подсмотрел ритуал жертвоприношения и не хотел бы увидеть подобное еще раз...

Наконец-то. Благословенная полутьма. Благословенные стены. Всего два опасных направления — совсем не то что держать круговую оборону. Зато пришла боль. Я знал по опыту, что кровоподтек будет огромным. Боль, боль... Напоминание о чем? Все о том же. Еще одна плеть Его Бестелесности.

* * *

Мы двигались слаженно, как одно целое.

Проверенный, давно заведенный порядок. Сектора обстрела распределены; действия каждого многократно отрепетированы. Но мы готовы и к непредвиденному. Монсальват вовсе не дружелюбен и даже не нейтрален. Замок — гигантское металлическое «тело» ЕБа. Поэтому скучать не приходится. Расслабляться тоже. Разве что в убежище. Но когда-нибудь мы лишимся даже своего последнего убежища. Говорю вам: это дьявольская, гнилая игра.

После всего, что Он устроил в Храме, лично мне чертовски не хотелось рисковать своей шкурой и вообще покидать знакомые места, однако голод заставил отправиться на поиски. Говоря по секрету, я понимаю мотивы ЕБа, когда Он лишает нас дармовой жратвы. Это Его кнут и пряник, Его инструмент. Если бы Он постоянно кормил нас досыта, мы очень быстро превратились бы в расслабленных идиотов, легкую добычу для убийц, — или скатились бы до уровня неприкасаемых, которые обслуживают Геенну.

Карты, нарисованные нами же, мы всегда носим с собой — на всякий случай. Мало ли куда занесет нелегкая. Два идентичных экземпляра: один у меня, второй — у Сирены.

Благополучно вернувшись в логово, мы нагрузились патронами и метательными ножами. Постоянно таскать на себе весь арсенал ни к чему

— сильно теряешь в мобильности, а это иногда важнее, чем избыток оружия.

Сегодня я предложил обследовать еще ни разу не пройденный до конца Красный коридор. На картах это место обрывалось в замусоленную пустоту. Если удача будет на нашей стороне, можно рассчитывать на поощрительный обед, который выдаст ЕБ. Если нет, то порция свинца тоже избавит от голода. Радикально и навсегда.

Сирена не возражала. Она редко мне перечит. За то и ценю. Но если уж упрется, стоит на своем до конца.

Вообще-то я мог бы и подкрепиться перед дальней опасной дорожкой, однако не стал доить жену. Хватило благоразумия не трогать неприкосновенный запас. Неизвестно, где мы окажемся ночью. Ночь — это время, когда не видно солнца в окнах Монсальвата и наступает непроглядная тьма. В прошлом самый длительный из наших походов на разведку занял около недели и стоил мне изрядного куска шкуры, сломанного ребра, а также простреленной мякоти. Отлеживаться на животе пришлось еще дольше. Сирена, раненная в бедро, выздоровела намного быстрее. Она живучая и выносливая, как все сучки, но вряд ли смогла бы охотиться самостоятельно. Помнится, в те дни ЕБ не скупился на жратву, а то бы мы не выкарабкались.

Вот и сейчас у меня возникло какое-то поганое предчувствие. Впрочем, в замке правит ЕБ, а не моя интуиция. Не дожидаясь более радикальных понуканий вроде ощутимых ударов электротоком, я запер убежище и ввел новый код. Сирене достаточно было проследить взглядом за моими пальцами, чтобы запомнить последовательность цифр навсегда. Отныне она сможет воспроизвести ее днем и ночью, в любом состоянии, вероятно, даже в бреду. Обо мне этого не скажешь. Я затвердил код про себя, беззвучно шевеля губами.

Поймал себя на том, что тяну время и тупо гляжу на бронированную дверь шлюза. Будто в последний раз. Чего я хотел *на самом деле* — вернуться или не возвращаться никогда?

К черту все это! Пошли-ка отсюда, детка. Где наша не пропадала!

И мы...

7

ФРАГМЕНТЫ ПАМЯТИ: АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

По понятным причинам Лоун протрезвел и тридцатиметровку от края тротуара до входной двери проделал самостоятельно. С таксистом он

рассчитался из своего кармана. Хотелось повторить небрежный жест Дезире, но до рожи водителя Лоун к сожалению не дотянулся.

В замочную скважину он попал ключом с первого раза. Открыл дверь и сразу же устремился к холодильнику, где стояла бутылка с чистой ледяной водой. К счастью, бутылка оказалась полной. Он почти залпом вылакал пол-литра, и только потом его охватила дрожь.

Сон как рукой сняло. Лоун чувствовал себя черным кристаллом — цельным куском чего-то непрозрачного и звенящего от вибрации. Атомная решетка вместо мозга и внутренностей, полированные грани вместо кожи. Ни желаний, ни страха. Абсолютная замкнутость. Он был отделен от внешнего мира границей, на которой преломлялся свет. Свет блуждал внутри, как бессмысленное послание, случайно полученное с давно погасших звезд.

Он включил ящик, лишь бы отвлечься ненадолго. Дезире пробежала пальчиками по его шее, затем нажала кнопку на пульте дистанционного управления, словно хотела оградить клиента от липкого дерьма рекламы, замелькавшей на экране. Она заботилась о том, чтобы он не стал копрофилом, и этим, возможно, обрекала его на изоляцию и страдания. Он прожил сорок лет, а потреблять как положено еще не

научился.

— Я пойду приму душ, — решил Лоун.

— Не так уж ты и грязен, дружок, как тебе кажется, — сказала она. — У меня были и похуже.

— Какого черта, Дез?! — Он начинал злиться. — Что это на тебя нашло сегодня?

— Со мной-то все в порядке.

О да. В этом он не сомневался.

— Ну и вали в свою спальню, — раздраженно бросил он, отлично зная, что ей не нужно спать.

— У тебя мало времени, — напомнила она, не обращая внимания на его добрый совет.

Лоун хмыкнул, уставившись на дно опустевшей перевернутой бутылки. Отражение было искаженным и уменьшенным, словно внутри стеклянной тюрьмы кривлялся злобный карлик-трезвенник.

— Ну и что? А у кого его много?

— Не хочешь поработать сегодня ночью?

— Я?!!

— Ну не я же, милый. Не прикидывайся. Давай-ка, Лоун, не ленись. Будь паинькой и получишь утром свою конфету.

Он знал, что она имела в виду. Колоду. Новый пасьянс его судьбы. И опять Лоуна охватила та же отвратительная слабость — как тогда, когда у затылка щелкал курок. Не кристалл он, совсем нет. Аморфная смола, которая течет слишком медленно

и потому незаметно.

— Я ни черта не могу. Ты же знаешь.

— Соберись, малыш. Для начала хотя бы включи компьютер.

— А пошла ты!.. Я устал. Мне все осточертело. Приму «прозак» и постараюсь заснуть.

Он и сам понимал, что все это звучит неубедительно.

— Тебе помочь успокоиться? — спросила Дез вкрадчиво.

Лоун встрепенулся:

— Свари кофе.

— Зачем тебе кофе, дорогой? У тебя же есть я, — прошептала Дезире, приблизилась спереди, что случилось нечасто, и взяла его лицо в свои ледяные ладони.

Лоун мгновенно почувствовал себя так, словно в него снова вставили скелет. Ему пригрезилась вечная ночь и запахи сырой земли. Где-то очень далеко звонил колокол. Его погребальная песня длилась, и длилась, и длилась. Ветер носился в темном пространстве, наполняя паруса, сотканые из звездного сияния...

Наваждение прошло так же быстро, как возникло.

— Тебе лучше? — спросила она. — Все еще хочешь кофе?

— Нет.